

УДК 821.0+1
ББК 83.0+87.3(2)61

С.Н. Зотов

**К ЭПИСТЕМОЛОГИИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ:
ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СМЫСЛА
В ТЕОРИИ М.М. БАХТИНА**

Рассматриваются вопросы литературоведческой эпистемологии. Основания этой области гуманитарного знания возникли в работах раннего Бахтина и в эссе Пастернака. Предпосылки нового понимания литературы и возможностей гуманитарного познания содержатся в экзистенциальной позиции Ницше, усвоенной европейской культурой. Анализ работы М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» позволяет сделать вывод о возникновении новой формы знания, объединяющей классическую и модернистскую парадигмы освоения литературного творчества.

Ключевые слова: *эпистемология, методология, русский модернизм, экзистенциальный подход, когнитивные единицы, пространственность, хронотоп, диалогизм как эпистемологический принцип.*

Зотов Сергей Николаевич – докт. филол. наук, заведующий кафедрой литературы Таганрогского государственного педагогического института, профессор кафедры отечественной литературы XX века Южного федерального университета
Тел.: 8 (8634) 68-27-92
E-mail: snzotov@yandex.ru

© Зотов С.Н., 2011 г.

1.

В аннотации к критической антологии о Михаиле Михайловиче Бахтине сказано: «гуманитарный эпистемолог XX века» [М.М. Бахтин, 2010, с. 4]. Что это значит? К.Г. Исупов пишет об «эстетической эпистемологии», что «устав этой науки на отечественной почве – дело будущего» [Исупов, с. 297]. Что такое эстетическая (гуманитарная) эпистемология?

Понятие эпистемологии, если судить по справочным изданиям, развивается. В «Философском энциклопедическом словаре» (1989) понятия *эпистемология* и *гносеология* отождествляются. «Гносеология. См. Теория познания, Эпистемология» [Философский энциклопедический словарь, с. 127]. «Эпистемология... термин, употребляемый для обозначения теории познания» [Там же, с. 770]. Наконец, «Теория познания, гносеология, эпистемология, раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания и его возможностей, отношение знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познания, выявляются условия его достоверности и истинности» [Там же, с. 650]. «Теория познания как философская дисциплина анализирует всеобщие основания, дающие возможность рассматривать познавательный результат как знание, выражающее реальное, истинное положение вещей» [Там же, с. 650, 651]. Теория познания базируется в данном случае на том или ином решении так называемого «основного вопроса философии» и представляет собой метод его решения, определяющий методологию того

или иного способа философствования и соответствующей познавательной деятельности.

В «Краткой философской энциклопедии» (1994) дан иной подход к указанным понятиям традиционной философии. «Эпистемология... – теория познания. Эпистемологический – теоретико-познавательный» [Краткая философская энциклопедия, с. 542]. «Гносеология... – учение о познании; по Гартману, метафизическая составная часть теории познания наряду с логической и психологической. Гносеологический – относящийся к процессу познания» [Там же, с. 109]. Выходит, что гносеология является своеобразной стороной, относительно самостоятельным аспектом теории познания, отождествляемой с эпистемологией.

В современном «Словаре философских терминов» (2007) отдельная статья о гносеологии отсутствует. «Эпистемология... – теория познания, гносеология – важнейшая часть теоретической философии, которая, начиная с Нового времени (Декарт, Бэкон) и особенно благодаря Канту, постепенно выделяется в самостоятельную философскую дисциплину. Эпистемология исследует природу, предпосылки, условия, возможности и границы человеческого познания» [Словарь философских терминов, с. 705]. Данный источник различает традиционную эпистемологию, основанную на принципах фундаментализма, и современные эпистемологические программы, «темы» эпистемологии. Одна из проблем «структуры знания» – вопрос о наличии «единого фундамента» или «когерентной системы» отдельных утверждений, составляющих знание. В конечном счете, речь опять идет о возведении знания к основополагающему единству.

Эпистемология в статье А.Ю. Бабайцева («Новейший философский словарь») – это «философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие». Современная тенденция к различению эпистемологии и гносеологии основана «на исходных категориальных оппозициях. Если гносеология разворачивает свои представления вокруг оппозиции “субъект – объект”, то для эпистемологии базовой является оппозиция “объект – знание”. Эпистемологии исходят не из “гносеологического субъекта”, осуществляющего познание, а скорее из объективных структур самого знания». Среди основных эпистемологических проблем – вопрос «как устроено знание?» [Бабайцев]. Эпистемология в данном случае определяется как особая область знания, несмотря на дефинитивное возведение к философско-методологической проблематике. Кажется, это определение имеет в виду возможность специальной, «отраслевой» постановки проблемы эпистемологии, в первую очередь, *эстетической эпистемологии*.

Речь идёт о специальном рассмотрении вопросов гуманитарного познания. Классически основы *методологии литературоведения*, например, это применение основных принципов определенного типа философствования в литературоведении (например, марксистско-ленинская методология). Понятие методологии в данном случае связывается пря-

мо с философской системой и призвано сообщить познанию единство, свойства «первой философии». Напротив, работа М.М. Бахтина «К методологии литературоведения», вопреки названию (дано публикаторами, а не автором), не о методах изучения художественной словесности, а как раз об эпистемологических проблемах. *Когнитивные единицы* Бахтина – «познание вещи и познание личности»; «я» существую для другого и с помощью другого»; «кругозоры» и их взаимодействие; понятия «внеаходимости» и «диалогизма», – содержат представление о том, **что такое литература и одновременно – как возможно знание о литературе** [Бахтин, 1975а, с. 203 – 212]. Наука М.М. Бахтина представляет собой эпистемологию.

Вопрос о новом понимании искусства и знании о нём, о гуманитарной эпистемологии был поставлен в русской науке и одновременно – в эссеистике и поэтической практике модернизма ещё на рубеже 10 – 20-х гг. XX в. В.Л. Махлин пишет об эпохе, породившей эти воззрения: «Конец десятых – начало двадцатых годов – время настоящей революции в гуманитарном мышлении XX века: философской революции (прежде всего – в Германии), гуманитарно-филологической революции (прежде всего и глубже, чем где-либо – в России). М.М. Бахтин – активный, но “неофициальный” со-участник и со-временник обоих этих одновременных событий» [Махлин, с. 9].

Философ М.И. Каган, старший современник и единомышленник М.М. Бахтина, представлял эпистемологическую проблему в полемике с классической теорией искусства, возводящей эстетику к определенным философским системам. «Чтобы эстетика могла быть самостоятельной, она должна иметь свой ясный, особый род *сознания*. <...> Необходима не только *своеобразность* объективной идеи красоты, но и методическое обоснование *её особого рода сознания*» [Каган, с. 40]. М.М. Бахтин как будто развивает эту мысль: «Но эта научная философия может быть только специальной философией, то есть философией областей культуры и их единства в теоретической транскрипции внутри самих объектов культурного творчества и имманентного закона их развития. Зато эта теоретическая философия не может претендовать быть первой философией, то есть учением не о едином культурном творчестве, но о едином и единственном бытии-событии. Такой первой философии нет и как бы забыты пути её создания» [Бахтин, 1994, с. 25]. Связь приведенных выше цитат установлена в эссе Ю.М. Каган. Речь идёт о специальных вопросах гуманитарного познания, об эстетической (гуманитарной) эпистемологии. «Особый род сознания» отличается от классических представлений и соответствующей методологии. Именно эпистемологическая проблематика, как нам кажется, становится центральной в основных исследованиях Бахтина.

Эпистемологическая интенция в рассматриваемом выше аспекте составляет важнейшую сторону смысла поэтической практики и эссеистики русского модернизма, особенно это касается «Охранной грамоты» Б.Л. Пастернака (1930) и книги О.Э. Мандельштама «О поэзии» (1928).

В размышлении о венецианской живописи Пастернак, в частности, устанавливает особенный «синкретизм» художества: единство и неразличимость «исполнителя», «исполненного» и «предмета исполнения», т.е. тождественность произведения искусства, художника и жизни. Это тождество является средоточием модернистского понимания искусства, выражает экзистенциальную сторону художества [Пастернак, с. 90]. Такова и поэтическая практика Пастернака, в которой обнаруживается переживание основных экзистенциальных феноменов, а не традиционные «темы» поэзии. Поэт как бы обозначает, предъ-являет мир, осуществляющийся его творческим движением навстречу жизни, его креативным, производящим обстоятельства поступком. Иными словами, «Наставленное на действительность, смещаемое чувством, искусство есть запись этого смещения. Оно его списывает с природы» [Там же, с. 72]. В отличие от миметической теории искусства речь идёт в данном случае об искусстве как житнетворчестве.

В «Охранной грамоте» Пастернак даёт пример того, что Бахтин называет «участным мышлением». «Участно» мыслить – «значит не отделять своего поступка от его продукта, а относить их и стремиться определить в едином и единственном контексте жизни как неделимые в нём...» [Бахтин, 1994, с. 24, 25]. Позднее Пастернак скажет: «Искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия» [Пастернак, с. 354]. Речь идет об обнаружении-открытии жизни, *всегда* данной единственным способом – в интеллектуальном переживании *вот этого* художника, но явленное «здесь и сейчас» имеет всеобщий смысл «неповторимой единственности живой действительности» [Там же].

Общая мысль Пастернака и Бахтина коренится в экзистенциальных представлениях о действительности, впервые сформулированных Ницше в «Весёлой науке» (IV, 324): «Жизнь не разочаровала меня! Напротив, из года в год я нахожу её более истинной, более желанной, более таинственной – с того самого дня, когда меня осенила великая освободительница: мысль о том, что жизни суждено быть экспериментом познающего» [Ницше, с. 647]. В этом фрагменте, на наш взгляд, Ницше как раз и даёт характеристику того, что названо у Бахтина «участным мышлением» – познанием человека, «участвующего» в возникновении смысла бытия, «причастного» к житнетворчеству. В мысли Ницше содержится основание экзистенциализма как основы новой ментальности Запада и *участи* человека культуры. Не случайно именно этот фрагмент сочинения Ницше стал эпиграфом к фундаментальному труду М. Хайдеггера «Ницше», в котором развиты многие мысли философа 30 – 40-х гг. [Хайдеггер, т. 1, с. 5]. Уместно вспомнить признание М.М. Бахтина в беседе с В.Д. Дувакиным: «Я и прозу знал наизусть. Например, очень многие такие... ну, отрывки, что ли, не целые произведения, из Ницше я знал наизусть. В подлиннике, конечно, на немецком языке. Я тоже прошел через страстное увлечение Ницше» [Бахтин, 2010, с. 30].

Гуманитарное знание М.М. Бахтина есть прежде всего эпистемология, однако освоение трудов М.М. Бахтина в литературоведении проис-

ходило именно в традиционном методологическом аспекте, посредством методологического *применения* его научных мотивов, а не постижением его эпистемологии. Знание о литературе тематизировалось с помощью «инструментально» понятого Бахтина, для которого, по Аверинцеву, характерна своеобразная «инонаучная» позиция. Эпистемологическая проблематика гуманитарной деятельности имеет ещё одну важную сторону, которую предварительно обозначил К.Г. Исупов в названной выше работе. Освоение научной традиции означает восприятие противоречивого смысла человеческих творческих достижений, благодаря которому становится возможным понимание человека-творца, его своеобразное интеллектуальное «воскрешение». Ведь речь идет о живой личности, сбывшейся в собственном труде. Бахтинская филология – это способ выявления смысла культуры, а не тематика его исследовательской мысли, определенная терминологически и легко различимая поверхностным взглядом, это пространство смысла, мир, имеющий имя – Бахтин. Речь идет о по-явлении, самообнаружении Бахтина с помощью понимания литературы, т.е. об экзистенциальной проблеме человека культуры. Сам способ выявления смысла литературы и есть установление того, что такое литература, и одновременно – что такое человек культуры, осуществляющийся в смысловом пространстве литературы.

2.

Эпистемология Бахтина – это обнаружение гуманитарной проблематики, приглашение к мысли о литературе. Главная задача такого осмысления может заключаться в приведении фрагментарного многообразия мыслей Бахтина к некоторой организованной целостности, очевидному единству, отчетливо воспринимаемому, переживаемому интеллектуально. Описание этого единства требует не «овнешнения» благодаря новому метаязыку, но принципиально иного, «бахтинского», освоения. Основным его принципом, по-видимому, должно стать постижение основополагающего диалогизма Бахтина благодаря диалогическому же восприятию и экспликации. Попытаемся обосновать своеобразный *антитетический* способ обнаружения взглядов Бахтина на проблему пространственности в художественном творчестве и его научном освоении-понимании. Мы будем рассматривать проблему пространственности в пределах специальной постановки Бахтиным этого вопроса в работе 30-х гг. «Формы времени и хронотопа в романе», которая сопровождается «Заключительными замечаниями» 1973 г., и таким образом тема получает предельное воплощение и качественное развитие – от раздражительности «хронотопа» к представлению о специфичности художественного пространства и особой пространственности смысла литературы. Этим временем совершилась судьба Михаила Бахтина – творчество и жизнь, явившие пространство смысла, в котором обнаруживает себя сегодняшний исследователь, соответствующим образом испытывающий культуру, причастный бахтинскому её переживанию.

В теоретическом введении к статье 1937-38 гг. Бахтин обосновывает понятие хронотопа, которое характеризует раздражительное понимание

литературы. Комментаторы нередко утверждают, что миметический характер воззрений Бахтина на искусство был неизменным в течение всей его жизни [Сакаки, с. 99 – 115]. Однако «Заключительные замечания» 1973 г. к статье «Формы времени и хронотопа в романе» содержат поправку к старому тексту, указывающую на возможность преодоления некоторых нерешенных в ранний период теоретических вопросов.

Здесь снова различаются действительность и искусство, и хронотоп понимается как форма освоения действительности искусством, Бахтин развернуто описывает «изобразительное значение хронотопа», его «жанрово-типический характер». Учёный пытается удерживать отчетливое различие миров *изображающего* и *изображенного*, но утверждение основополагающего для него понятия диалогизма (третий фрагмент) переводит обсуждение на новый уровень, где понятие хронотопа в конце концов утрачивает миметическую специфичность, снимается представлением об эстетически-художественном пространстве, потому что диалогическое понимание представляет хронотопы в сложных взаимоотношениях, которые «сами уже не могут входить ни в один из взаимоотносящихся хронотопов» [Бахтин, 1975, с. 401]. Смыслообразующий диалог осуществляется «вне изображенного мира, хотя и не вне произведения в его целом. Он (этот диалог) входит в мир автора, исполнителя и в мир слушателей и читателей. И эти миры также хронотопичны» [Там же]. Распространив понятие хронотопа на творческое сознание, исполнение и восприятие художественных произведений, Бахтин фактически нивелирует его, без оговорок и философского обоснования разрушает исходную дихотомию подражания «действительность – искусство», и это приводит к радикальному повороту его концепции от классической рациональности к неклассическому (модернистскому) пониманию искусства, если можно так выразиться, на оси диалогизма. Всеобщность (тотальность) диалогических отношений обсуждается в связи с двумя основополагающими мотивами: а) мотивом различения «изображающего» и «изображенного» миров [Там же, с. 402]; б) мотивом активной роли восприятия в процессе образования актуального смысла литературы: «проблема слушателя-читателя» и «его обновляющей произведение роли (в процессе жизни произведения)» [Там же, с. 406]. Так у Бахтина впервые появляется третья сторона смысла, предполагающая историчность воспринимающего (критика – читателя), – альтернативная классическому объективизму точка зрения на смысл художественного произведения. «Обновить» смысл литературного произведения может лишь «обновлённый» им (литературой, искусством, культурой) читатель (критик). Произведение *создаётся* писателем, возникающим в «особой смысловой сфере», в процессе диалогического отношения «к различным явлениям литературы и культуры» [Там же, с. 404], – т.е. автором, существующим в пространстве («смысловой сфере») литературы. Такой автор не только имеет обусловленный конкретными обстоятельствами *кругозор*, но во всей полноте своего смысла осуществляется в *большом времени* – в вечном со-бытии явлений культуры. К моменту написания

Бахтиным «Заключительных замечаний» им уже сформулированы выделенные понятия, использованные нами для прояснения мысли. Произведение искусства пересоздается слушателем-читателем (он же – критик, положения которого Бахтин в данном случае непосредственно не касается) в расширяющемся пространстве смысла, в кругозоре восприятия, создаваемом целой литературной (шире: культурной) традицией – от Гомера до современности. Это именно *пространство смысла*, не подлежащее объяснению с помощью термина «хронотоп»: временная компонента в данном случае устраняется, так как смысл произведения (культуры) отнесен не к породившей его эпохе, отразившейся в образе, а к вечности («большому времени»); его изменчивое постоянство характеризуется не линейностью и развитием, а мерцанием диалогических отношений к другим смыслам, игрой смыслов. В конце «Заключительных замечаний» идет речь о различении «смысловых моментов, которые как таковые не поддаются временным и пространственным определениям» [Там же, с. 406], и, с другой стороны, хронотопов, но и об их существенной связи: чтобы войти в наш опыт, смыслы «должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять *знаковую* форму, слышимую и видимую нами... Следовательно, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Там же, с. 406]. Это последнее замечание сохраняет относительную значимость понятия *хронотоп* и заявленной в разработках 30-х гг. систематики.

Бахтинская филология представляет собой скорее стратегию понимания, чем методику литературоведческого исследования. Помимо очевидного вывода о существенном развитии взглядов Бахтина предложенное антитетическое их рассмотрение позволяет говорить о внутреннем диалогизме его научного поиска. Бахтинский диалогизм представляет собой эпистемологический принцип, противоположный классической диалектике. Если диалектическое противоречие характеризуется необходимостью «снятия», то диалогизм не нуждается в синтезе, он представляет собой «ожившую» антиномию, примирение противоположностей в воспринимающем сознании, которое способно удерживать их одновременно, а не воспринимать последовательно.

Диалогизм постоянно производит понимание, эфемерный смысл; диалогическое рассмотрение способно преодолеть исследовательский догматизм (прямолинейность), обнаружить драматизм научного познания, состоящий, по Аверинцеву, во внутреннем споре исследователя с самим собой. Именно такова исследовательская интенция Бахтина, который преодолевает миметический взгляд (понятие хронотопа 30-х гг.) на почве диалогизма (замечания 1973). Это личностно-познавательное противоречие в случае Бахтина, очевидно, значимо для культуры в целом, так как представляет собой обоснование новой формы знания, объединяющей классическую и модернистскую парадигмы освоения литературного творчества.

Литература

- Бабайцев Ю.А.* Эпистемология // Новейший философский словарь. [Электронный ресурс] Режим доступа: Словopedia – www.slovopedia.com
- Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975а. С. 203 – 212.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9 – 68.
- Бахтин М.М.* Баседа с В.Д. Дувакиным // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. М., 2010.
- Исупов К.Г.* Смерть Другого // Михаил Михайлович Бахтин. С. 297 – 312.
- Каган Ю.М.* Люди не нашего времени // Михаил Михайлович Бахтин. С. 34 – 46.
- Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
- Махлин В.Л.* Рукописи горят без огня // Михаил Михайлович Бахтин. С. 9 – 22.
- Михаил Михайлович Бахтин* : критическая антология / под ред. В.Л. Махлина. М., 2010.
- Ницше Ф.* Соч. : в 2 т. Т.1. М., 1990.
- Пастернак Б.* Об искусстве. М., 1990.
- Сасаки Х.* Основы понятия текста у М. М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп : ежеквартальный науч. журн. 2001. № 3. С. 99 – 115.
- Словарь философских терминов. М., 2007.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
- Хайдеггер М.* Ницше. Т. 1. СПб., 2006.